

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1901](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901)

К. И. Казенин, И. В. Стародубровская

ДАГЕСТАНСКИЕ МИГРАНТЫ В АСТРАХАНИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Казенин К. И., Стародубровская И. В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 405—428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>.

For citation:

Kazenin K. I., Starodubrovskaya I. V. (2021) Daghestanian Migrants in Astrakhan: A Study of Integration Processes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 405–428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>. (In Russ.)

ДАГЕСТАНСКИЕ МИГРАНТЫ В АСТРАХАНИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

КАЗЕНИН Константин Игоревич — кандидат филологических наук, директор центра региональных исследований ИПЭИ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; доцент кафедры демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: kz@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

СТАРОДУБРОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие», Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия
E-MAIL: irinavstar@gmail.com

Аннотация. В статье на примере мигрантов из Дагестана, проживающих в Астрахани, рассматриваются характеристики замкнутого переселенческого сообщества. Основной исследовательский вопрос состоит в том, насколько стабильна в современных городских условиях социальная замкнутость диаспоры. Рассматриваются факторы, способствующие сохранению или, наоборот, уменьшению такой замкнутости. Также выделяются группы внутри диаспоры, в наибольшей степени расположенные к развитию контактов с другими частями городского социума, к ускоренной адаптации на новом месте проживания. Исследование основано на количественном

DAGHESTANIAN MIGRANTS IN ASTRAKHAN: A STUDY OF INTEGRATION PROCESSES

Konstantin I. KAZENIN^{1,2} — *Cand. Sci. (Appl. Ling.)*, Director of the Center for Regional Studies; Associate Professor at the Department of Demography
E-MAIL: kz@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

*Irina V. STARODUBROVSKAYA*³ — *Cand. Sci. (Econ.)*, Research Director for Political Economy and Regional Development
E-MAIL: irinavstar@gmail.com

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

³ The Ye. T. Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

Abstract. On the example of migrants from Dagestan living in Astrakhan, the article examines characteristics of a closed resettlement community. The main research question is how stable the social isolation of the diaspora in contemporary urban environment is. The study identifies factors which contribute to the preservation or, conversely, the reduction of such isolation. Within the diaspora we emphasize groups inclined to develop contacts with other parts of the urban community and accelerate adaptation to a new place of residence. The study is based on quantitative and qualitative surveys conducted by the authors in Astrakhan in 2020. The findings are discussed in the perspective of the

и качественном опросах, проведенных авторами в Астрахани в 2020 г. Полученные выводы обсуждаются в свете политики по адаптации инокультурных мигрантов в регионах РФ.

policy for foreign migrants adaptation in regions of the Russian Federation.

Ключевые слова: миграция, этничность, адаптация мигрантов, переселенческие сообщества, Северный Кавказ

Keywords: migration, ethnicity, adaptation of migrants, migrant communities, North Caucasus

Благодарность. Статья отражает результаты исследования в рамках НИР Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара и РАНХиГС.

Acknowledgments. The article is based on results of research carried out at The Ye. T. Gaidar Institute for Economic Policy and RANEP.

1. Введение

Рост миграции населения, наблюдающийся в последние десятилетия как в мировом масштабе, так и внутри отдельных стран, имеет множество социальных последствий. Часть из них связана с образованием переселенческих сообществ, характеризующихся высокой степенью социальной замкнутости. Члены таких сообществ более интенсивно контактируют друг с другом, чем с представителями принимающего социума, предпочитают заключать браки внутри своего сообщества, больше ориентируются на взаимодействие с членами своего сообщества в сфере хозяйства, бизнеса и т. д. Такие тенденции часто затрудняют интеграцию переселенцев на новом месте жительства, способствуя сохранению значительных контрастов между мигрантами и коренным населением по семейному укладу, поведенческим практикам, культуре и т. д. [Андронов, 2014; Grönqvist, 2006; Hartog, Zorlu, 2009 и мн. др.]. Замкнутые переселенческие сообщества оказывают влияние и на общий социальный климат принимающей территории. Их наличие негативно влияет на оценку местными жителями качества жизни в своем населенном пункте, регионе, а нередко приводит и к серьезной межэтнической, межконфессиональной напряженности (см., напр., [Зайончковская др., 2014]).

В этом контексте особое значение приобретает оценка «стабильности» замкнутых переселенческих сообществ. Означает ли возникновение такого сообщества, что его жители в долгосрочной перспективе сохранят социокультурную «отделенность» от населения принимающей территории? Какие факторы могут способствовать «размыканию» замкнутых сообществ, какие группы внутри них могут стать «локомотивами» этого процесса? Что, напротив, «консервирует» замкнутые сообщества в их противопоставленности остальному населению? На российском эмпирическом материале такие вопросы до сих пор обсуждались довольно мало. Особенно очевиден дефицит исследований этих проблем применительно к внутренней миграции, притом что ряд имеющихся работ указывает на наличие достаточно серьезных проблем в интеграции некоторых групп внутрироссийских мигрантов [Мукомель, 2015, 2016].

Возникновение замкнутых переселенческих сообществ характерно, в частности, для миграции населения республик Северного Кавказа в другие регионы России (история этих миграционных потоков и их этнокультурные характеристики на примере Дагестана наиболее подробно рассмотрены в [Карпов, Капустина, 2011]). В настоящей статье делается попытка рассмотреть сформулированные выше вопросы для сообщества переселенцев дагестанского происхождения в городе Астрахань. Выбор предмета исследования обусловлен, с одной стороны, тем, что ряд характеристик дагестанской диаспоры Астрахани указывает на достаточно замкнутый характер ее существования в городской среде (подробнее см. раздел 2). Вместе с тем опыт нескольких десятилетий проживания в городе открыл перед дагестанской диаспорой возможности для усвоения новых социальных практик, способствовал расширению контактов за пределами переселенческого сообщества. Кроме того, изменение экономических реалий в городе не позволяет переселенцам и их потомкам по-прежнему полностью замыкаться на тех видах экономической деятельности, которые были характерны для диаспоры с первых лет ее существования. Это приводит к более тесному взаимодействию с другими представителями городского социума. Налицо достаточно существенные факторы, поддерживающие замкнутость диаспоры, но одновременно нарастает роль факторов, способствующих ее «размыканию». Взаимодействие этих разнонаправленных факторов представляет большой интерес для исследования.

Статья построена следующим образом. В разделе 2 кратко характеризуется дагестанская диаспора в Астрахани, история ее формирования и нынешнее состояние. В разделе 3 рассматриваются теоретические основания исследования, определяются критерии замкнутости диаспор и представлены имеющиеся в литературе гипотезы о факторах, способствующих уменьшению их замкнутости. В разделе 4 кратко представлена методология полевого исследования, проведенного авторами в Астрахани в 2020 г., и излагаются основные результаты качественного и количественного компонента этого исследования. В разделе 5 содержится обсуждение этих результатов в свете теоретических предпосылок, обсуждаемых в разделе 3.

2. Дагестанская диаспора Астрахани: общая характеристика

Исторически сложившаяся как мультикультурный город на перекрестке торговых путей, Астрахань в 1990-х годах стала местом достаточно массовой миграции, в первую очередь с Северного Кавказа и особенно из Дагестана. На настоящий момент народы Дагестана в совокупности составляют в регионе четвертую по численности этническую группу [Сызранов, 2016]. С 1989 по 2010 г., согласно данным переписей населения, общины аварцев и лезгин в городе выросли, соответственно, в 4 и 2,6 раза. Костяк миграции составили жители трех дагестанских горных аварских сел — Кванада (Цумадинский район), Нижнее Инхело и Кванхидатль (Ботлихский район). Основываясь на экспертных оценках, можно сделать вывод, что в Астрахани проживает более 300 семей из Кванады, 200—250 семей из Нижнего Инхело, от 200 до 300 семей из Кванхидатля. Даже на общем фоне Дагестана все эти села отличаются своей традиционностью и закрытостью, а также высоким уровнем религиозности. В период вооруженных конфликтов в Чечне

достаточно значимой была также миграция в город из этой республики (причем не только чеченцев, но и, например, ногайцев). Сейчас основной миграционный поток с Северного Кавказа связан с образовательной миграцией — вузы Астрахани считаются престижными в этом регионе.

Еще одной особенностью Астрахани, интересной с точки зрения изучения миграции, является формирование на территории города переселенческих анклавов. Статистика, на основе которой можно было бы более точно оценить степень резидентной концентрации мигрантов, отсутствует, поэтому выделение территории и основные характеристики мигрантских анклавов мы выявляли в ходе качественного исследования. Наиболее очевидны два подобных анклава. Один из них — Большие Исады — расположен практически в центре города, рядом с крупными рынками. Здесь доминируют выходцы из тех трех сел, о которых говорилось выше. Анклав имеет тенденцию к «расползанию», в том числе в направлении Медицинской академии — самого популярного среди кавказцев высшего учебного заведения города. Микрорайон Бабаевского — анклав совсем иного типа. Он находится на окраине города, для него характерна многоэтажная застройка, цены на жилье ниже, чем в центральных районах. Здесь проживают работники Газпрома, приехавшие в Астрахань еще в 1980-х годах для работы в газовой промышленности. Выходцы с Северного Кавказа в этом районе, в отличие от Больших Исад, не являются большинством населения, хотя, по имеющимся оценкам, концентрируются в большей мере, чем в среднем по городу. Так, этнический состав самой крупной школы микрорайона, по данным школьной администрации, демонстрирует долю детей северокавказских этносов на уровне около 10%. Кандидатом на роль третьего анклава являются поселки с преобладанием частной застройки в северной части города в районе реки Кривая Болда. По данным представителей органов городского самоуправления, с которыми мы общались, там сейчас растет число выходцев из Дагестана.

Если на первом этапе интенсивной миграции дагестанцев в город их расселение носило выраженный анклавный характер, то на сегодня немало этнических дагестанцев проживает и в городских районах с низкой долей дагестанского населения. В первую очередь это характерно для тех, чья трудовая деятельность в городе не связана с рыночной торговлей¹.

Несмотря на столь сложную миграционную историю, Астрахань нельзя назвать конфликтным городом. Наиболее острые конфликты между местным населением и мигрантами, связанные с конкуренцией в сфере торговли, борьбой за земельные и другие хозяйственные ресурсы, а также с переделом «сфер влияния» в криминальном мире, остались в 1990-х. Начиная со второй половины 2000-х, по оценкам городских властей, такие конфликты в городе практически отсутствовали. Не были выявлены какие-либо свидетельства их присутствия и в ходе нашей полевой работы.

¹ Важно подчеркнуть, что социальная замкнутость переселенческого сообщества в том понимании, которое было представлено выше, не требует обязательного компактного проживания его членов, «анклавности» их размещения на принимающей территории. Однако многочисленные исследования особенностей расселения мигрантов позволяют ожидать, что наличие в городе анклавов будет фактором, поддерживающим связи внутри переселенческой общины и тем самым влияющим на ее интеграцию в городе (см., напр., [Вендина, 2004; Demintseva, 2017]).

3. Теоретические предпосылки исследования

Проблемы замкнутости и «размыкания» переселенческих сообществ тесно связаны с процессами, характеризующимися в науке как «ассимиляция» или «интеграция». Тем самым в анализе этих процессов необходимо учитывать результаты теоретических разработок по данным вопросам.

Вопрос о том, как мигранты ассимилируются в инокультурной среде, интересовал исследователей примерно с начала XX века. Первопроходцем здесь была Чикагская социологическая школа, разработавшая модель «цикла расовых отношений»: движения к неизбежной ассимиляции мигрантов через конфликт и аккомодацию [Парк, 2011а, 2015]. Ассимиляция понималась представителями Чикагской школы не как стирание всех признаков этнического происхождения, но как установление тесных личных связей, дружбы, браков между представителями различных этнических групп, что приводит к их включению в единую «мы-группу». Немалое внимание обращалось на барьеры ассимиляции, в том числе такие, как дискриминация и социальное дистанцирование со стороны доминирующей группы, особенно по отношению к видимым меньшинствам. Люис Вирт отмечал разные позиции различных меньшинств в отношении ассимиляции. Применительно к мигрантам интересно предложенное им разделение плюралистических меньшинств, борющихся за равные права с доминантной группой при сохранении культурной автономии, и ассимиляционных меньшинств, добивающихся полного принятия себя доминантной группой и слияния с более широким обществом [Вирт, 2005].

До сих пор интересен анализ представителями Чикагской школы взаимосвязи процессов адаптации мигрантов и пространственных характеристик их расселения. Неотъемлемой чертой американских городов они считали «гетто и иммигрантские колонии — районы, сохраняющие более или менее чуждую и экзотическую культуру» [Парк, 2011б]. Но постепенно гетто размываются — энергичные и амбициозные люди, а также последующие поколения мигрантов стремятся вырваться из мигрантских районов в широкий мир. Однако разрушение гетто — процесс далеко не линейный. В то же время выход из гетто актуализирует ситуацию культурного конфликта, приводящего к серьезным проблемам, связанным с различием семейных норм и норм городской среды, а также с дискриминацией и социальной дистанцией.

Опубликованные в 1970-х годах антропологические исследования городов в различных регионах мира и положения в них мигрантов подтвердили многообразие траекторий адаптации мигрантов в городах. В частности, было показано, что дискриминируемые сообщества обычно адаптируются сложнее, чаще ориентируются на сохранение традиционных, во многом сельских моделей отношений и поддерживают этнический бизнес [Shack, 1973]. В то же время в мигрантских сообществах, где родители стремились к быстрой вертикальной мобильности детей (высоким заработкам, квалифицированной работе), несмотря на изначальную замкнутость и недоверие к чужакам, адаптация происходила гораздо быстрее, сопровождаясь при этом межпоколенческим конфликтом [Mangin, 1973].

В целом с конца 1960-х годов ассимиляционные подходы на несколько десятилетий вышли из моды. Они стали оцениваться как «устаревшая теория, которая

навязывает этноцентричные и патерналистские требования меньшинствам, борющимся за сохранение собственной культурной и этнической самобытности» [Alba, Nee, 1997]. Распространились марксистские интерпретации проблемы мигрантов, а также мультикультуралистские подходы.

Однако в 1990-х годах на фоне кризиса мультикультурализма ассимиляционные теории и близкие к ним интеграционные подходы получили второе дыхание. В то же время в этот период произошел отход от линейного отождествления ассимиляции с успехом и отказа от ассимиляции — с отсутствием перспектив для мигрантов. Так, в рамках теории сегментной ассимиляции утверждалось, что ассимиляция мигрантов может происходить не только в культуру мейнстрима, но и в контркультуру маргинальных слоев, отрицающих ценности образования и вертикальной мобильности. По сравнению с последней осознанное сохранение ценностей и солидарности мигрантского сообщества авторы теории сегментной ассимиляции считают более предпочтительным вариантом [Портес, Чжоу, 2017; Portes, Rumbaut, 2001].

В качестве альтернативы современным ассимиляционным теориям можно рассматривать теорию трансмиграции, поставившую под вопрос саму единицу анализа, использовавшуюся в теории ассимиляции, — национальное государство. В рамках этой теории утверждается, что мигрант, по сути, не принадлежит полностью принимающему обществу, поскольку по-прежнему сохраняет тесные связи со своей родиной [Glick, Basch, Szanton Blanc, 1995]. Более того система коммуникаций между мигрантами может включать две страны и более. «Их социальная сеть <...> часто охватывает несколько стран, иногда даже несколько континентов» [Dijkstra, Geuijen, Ruijter, 2001]. Применительно к нашему исследованию это означает, что для получения полной картины необходимо рассматривать социальные связи мигрантов и их потомков как на принимающей территории, так и на их исторической родине.

Поскольку одной из задач нашего исследования является определение тех социальных групп внутри переселенческого сообщества, которые быстрее других интегрируются в принимающий социум, преодолевают диаспоральную замкнутость, для нас также представляют интерес теоретические представления о том, каков может быть состав этих групп. Из многообразия исследовательских наработок по данной проблеме мы будем ориентироваться на результаты, полученные в исследованиях демографического поведения мигрантов сравнительно с населением принимающей территории (обзор таких исследований см. в [Казенин, 2017]). Этот выбор обусловлен двумя причинами. С одной стороны, в сфере демографического поведения (брачности, рождаемости и т. п.) масштабы различий между мигрантами и коренными жителями легче поддаются измерению, чем во многих других сферах. Соответственно, здесь возможны и более надежные механизмы по проверке гипотез о группах внутри переселенческого сообщества, быстрее воспринимающих образцы поведения населения принимающей территории. С другой стороны, очевидно, что такие демографические параметры, как возраст мужчин и женщин при вступлении в брак, число детей у женщины к различным возрастам и т. д., представляют не только демографический интерес, но и коррелируют с базовыми характеристиками уклада семьи, построения жизненных стратегий, ценностными ориентирами и т. д. (ср. [Forste, Tienda, 1996]). Поэтому, если некоторая группа

внутри мигрантского сообщества демонстрирует повышенную готовность к восприятию брачно-репродуктивных практик коренного населения, это с большой вероятностью означает и более полное восприятие этой группой целого комплекса социальных норм и культурных ориентиров, с которыми она сталкивается на принимающей территории.

На сегодняшний день на различном материале подтвердились следующие гипотезы о группах мигрантов, быстрее и с большей вероятностью ассимилирующихся с принимающим социумом по брачно-репродуктивному поведению:

1. *Мигранты второго и «полуторного» поколений.* Большую способность к ассимиляции по демографическому поведению демонстрируют те представители мигрантского сообщества, которые родились на принимающей территории (второе поколение мигрантов), или те, кто переехал на нее в достаточно раннем возрасте (в качестве «точки отсечения» обычно рассматривается 15-летний возраст на момент переезда; мигрантов, переехавших до этого возраста, часто называют мигрантами «полуторного поколения») — см., например, [Crul, Schneider, Lelie, 2012], где последовательно демонстрируется эта закономерность для ряда стран Евросоюза. С другой стороны, из данной тенденции имеются значимые и привлекающие большое внимание исследователей исключения. Так, для определенных переселенческих сообществ наблюдается сохранение во втором и последующих поколениях серьезных контрастов с принимающим социумом по брачно-репродуктивному поведению (ср. обсуждение возможных причин этого явления в [Parrado, 2011] для потомков мексиканских мигрантов в США, [Hampshire, Blell, Simpson, 2011] для потомков мигрантов из Пакистана в Великобритании).

2. *Мигранты с более высоким уровнем образования.* Высокий уровень образования в общем случае ускоряет ассимиляцию с коренным населением как минимум по двум причинам. С одной стороны, образование помогает развивать социальные контакты за пределами диаспоры и тем самым открывает более широкие возможности для обучения (social learning) жизненным практикам, нехарактерным для диаспоры. С другой стороны, давая мигранту новые индивидуальные возможности на принимающей территории, образование делает его более «защищенным» от давления (social pressure) диаспоры при построении своей жизненной стратегии, включая вопросы брака и семьи (о понятии «социальное давление» и его роли в формировании демографического поведения индивида см., например, [Montgomery, Casterline, 1996]; о том, почему именно мигранты с низким уровнем образования наиболее «уязвимы» для социального давления диаспоры, см., например, [Salway, 2007]).

3. *Мигранты, дисперсно проживающие на принимающей территории.* Ряд исследований последних лет представил количественные подтверждения того, что мигранты, проживающие вне тех городских кварталов, где концентрация представителей их диаспоры наиболее высока, в большей степени уподобляются коренному населению по целому ряду параметров демографического поведения (см. [Wilson, Kuha, 2018], где эта закономерность эмпирически обосновывается на примере современного Лондона).

Во всех указанных работах, обосновывающих «ускоренную» демографическую ассимиляцию перечисленных групп, в качестве одной из причин этого явления

называется «разомкнутость» их социальных контактов: среди тех жителей города, с которыми члены этих групп регулярно контактируют, доля не относящихся к переселенческому сообществу в общем случае выше, чем у других групп мигрантов (о методике исследования сети контактов мигрантов см., например, [Ryan, D'Angelo, 2017] и ссылки в указанной работе). Учитывая важность сети социальных контактов мигранта для процессов его интеграции на принимающей территории, ниже мы сопоставляем социальные контакты мигрантов разных групп по степени их «замкнутости» в диаспоре. Конкретный состав количественных параметров сети контактов мигранта, которые мы, учитывая опыт имеющихся исследований, будем использовать в нашем анализе, представлен в следующем разделе.

Определенные трудности для исследователя в данной сфере возникают в связи с тем, что научная терминология в ней не устоялась и характеризуется как схожими определениями, даваемыми разным терминам, так и различными значениями одного и того же термина у разных авторов. Так, под ассимиляцией может пониматься как вписывание мигрантов в культуру мейнстрима принимающего общества, так и в другие культурные сегменты, в том числе в контркультуру; как полная потеря прежней культурной идентичности, так и процесс постепенного культурного сближения с представителями принимающего сообщества, связанного с близкими контактами с его представителями. Е. Варшавер вообще отмечает, что под ассимиляцией в США сейчас понимают «чуть ли не диаметрально противоположные вещи, чем это было 100 лет назад»². Интеграция часто употребляется как синоним ассимиляции, однако иногда противопоставляется ей как стратегия, предусматривающая одновременно восприятие культуры принимающего сообщества и сохранение собственной культурной идентичности. В то же время процессы ассимиляции и интеграции могут восприниматься как комплексно, так и дифференцированно для различных сфер. Выделяют культурную (восприятие знаний, культурных норм и компетенций), структурную (включение в систему позиций и статусов), социальную (включение в близкие круги общения, дружба, браки) и идентификационную (ощущение принадлежности к «мы-группе») ассимиляцию. Не менее многозначен и термин «адаптация» — под ним могут понимать как «недоинтеграцию», так и процесс выбора стратегии встраивания в принимающее сообщество, есть и другие значения. В результате сложилась практика, при которой каждый исследователь в своих публикациях определяет, в каких значениях он использует тот или иной термин.

В настоящей работе мы обращаем внимание на следующие аспекты встраивания северокавказских мигрантов в принимающее сообщество Астрахани:

- приближение норм поведения мигрантов к принятым в принимающем сообществе;
- вхождение мигрантов в первичные группы членов принимающего сообщества (дружба, браки);
- восприятие знаний и норм, необходимых для достижения успеха в рамках принимающего сообщества.

² Варшавер Е. Интеграция, ассимиляция или как это назвать? Какими словами описывать отношения мигрантов с принимающим сообществом // Republic.Ru. 2021. 20 апреля. URL: www.Republic.ru/posts/100180 (дата обращения: 22.08.2021).

Все эти процессы вполне описываются термином «ассимиляция» в умеренном его понимании, не предполагающем потерю культурной идентичности, или термином «интеграция» как синонимом такого понимания ассимиляции. Именно в подобном значении мы используем эти термины в статье. Необходимо также отметить, что в данном случае они характеризуют в первую очередь направленность процесса, а не его конечный результат.

4. Результаты полевого исследования

Исследование современного состояния дагестанской диаспоры в Астрахани было проведено в 2019—2020 гг. как качественными, так и количественными методами³. На первом этапе было проведено качественное исследование. Оно позволило, с одной стороны, полевыми методами определить ключевые характеристики сообщества выходцев из Дагестана в Астрахани (основные исторические вехи формирования этого сообщества, его расселение, экономический профиль и т. д.), а с другой стороны, в ходе глубинных интервью выявить отношение переселенцев и их потомков к городу и условиям жизни в нем, их видение изменений, происходящих внутри диаспоры, в том числе в межпоколенческой динамике, и т. д. Всего качественным исследованием было охвачено около 100 человек, в том числе как сами мигранты — жители мигрантских анклавов (Больших Исад и микрорайона Бабаевского), школьники, студенты, бизнесмены, активисты общественных организаций, — так те, кто мог выступить экспертом, наблюдающим ситуацию со стороны, — преподаватели, работники органов местного самоуправления, религиозные деятели. Среди мигрантов в исследование были включены все возрастные группы, при этом наблюдался гендерный перекося в сторону лиц мужского пола при исследовании наиболее консервативных и закрытых сегментов дагестанской диаспоры (ряд интервью с женщинами, принадлежащими к таким частям диаспоры, провести, тем не менее, удалось — см. ниже).

Количественный опрос выходцев из Дагестана, проживающих в Астрахани, был проведен с сентября по ноябрь 2020 г. Цели количественного опроса были следующие:

- оценка основных социально-демографических параметров дагестанской диаспоры в Астрахани;
- выявление отношения респондентов к разным аспектам жизни города, включая межнациональные и межконфессиональные отношения, уровень дискриминации переселенцев и т. д.;
- исследование характера социальных связей респондентов в городе, оценка через них степени замкнутости дагестанской диаспоры.

Таким образом, цели качественного и количественного опросов во многом совпадали, два опроса представляли собой попытку оценить одни и те же характеристики дагестанской диаспоры разными социологическими методами.

В ходе количественного исследования был опрошен 491 респондент в возрасте от 15 до 70 лет. Распределение респондентов по полу и годам рождения (десятилетними группами) дано в таблице 1. Опрашивались респонденты, которые опре-

³ Авторы благодарны всем, без чьей помощи невозможно было бы проведение полевого исследования в Астрахани, в особенности — [Али Шарпаудинову](#), Эльдару Идрисову, Дженнет Джумаевой. Вся ответственность за результаты исследования и их интерпретацию, разумеется, лежит исключительно на авторах.

делили регион своего происхождения как Дагестан и сообщили, что в настоящее время проживают в Астрахани. Не имея точных данных об общей численности дагестанского населения в Астрахани на момент опроса, мы не можем определить, какая его доля попала в выборку. Принимая во внимание, что, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., численность этнических дагестанцев (без учета ногайцев) в Астрахани не превышала 10 тысяч человек, и что, согласно данным нашего качественного исследования, кратного роста диаспоры с того времени определенно не наблюдалось, можно утверждать, что выборкой охвачено по крайней мере 2 % всего дагестанского населения города.

Таблица 1. Распределение респондентов опроса по полу и году рождения

Годы рождения	Мужчины	Женщины	Всего
1950—59	5	7	12
1960—69	16	27	43
1970—79	26	44	70
1980—89	64	60	124
1990—1999	98	74	172
2000—2005	46	24	70
Всего	255	236	491

С учетом того, что выходцы из Дагестана проживают в разных районах Астрахани, частично компактно, а частично дисперсно, и во всех районах проживания живут в соседстве с коренными жителями или выходцами из других регионов, стандартные «маршрутные» методики составления выборок для опросов, проводимых методом личного интервьюирования, были неприменимы. Разумеется, невозможно было применить и телефонные методики ввиду малой доли выходцев из Дагестана среди всего населения города и области. Практически единственной возможностью для проведения количественного исследования в этих условиях было использование метода снежного кома, когда каждый интервьюер начинал опрос в кругу своих контактов и далее расширял количество опрошенных за счет контактов своих первых респондентов.

При такой методике принципиальное значение имел подбор интервьюеров и размер выделяемых каждому из них квот на опрашиваемых респондентов. К участию в опросе были привлечены восемь интервьюеров дагестанского происхождения, постоянно проживающие в Астрахани. Каждый из них опрашивал респондентов, принадлежащих к определенной группе в составе дагестанского землячества, в которой имел наиболее широкие контакты. Выделение этих групп и закрепление за каждой группой определенной квоты в выборке производились на основе знаний о расселении и характере занятости дагестанского землячества, полученных в ходе качественного исследования. Основными группами, в которых интервьюеры опрашивали респондентов, были следующие: торговцы на рынке Большие Исады; учащаяся молодежь, проживающая в Астрахани с родителями или старшими родственниками; работники сельскохозяйственных и строительных предприятий, расположенных на окраине города; работники медицинских учреж-

дений; неработающие выходцы из Дагестана, проживающие в центральной части города; выходцы из Дагестана, проживающие в микрорайоне имени Бабаевского.

Половозрастное квотирование ни по каждой из групп, ни по выборке в целом не проводилось. Это было связано с тем, что половозрастная структура дагестанского землячества в Астрахани не была известна до опроса (данные текущего учета не содержат сведений об этническом составе населения, а данные Всероссийской переписи населения 2010 г., наряду с тем, что потеряли актуальность к моменту опроса, известны значительными искажениями количества северокавказского населения по регионам страны [Мкртчян, 2019]). Интервьюерам запрещалось опрашивать более одного человека в домохозяйстве. В целом можно утверждать, что опросом были охвачены наиболее крупные диаспоральные сообщества в пропорциях, определенных в ходе качественного исследования, и что половозрастное разнообразие респондентов, опрошенных в каждом сообществе на первом этапе применения метода снежного кома, не предопределило значительных смещений выборки по возрасту и полу.

4.1. Результаты количественного опроса

Распределение респондентов количественного опроса по основным социально-демографическим параметрам представлено в таблице 2. Из контрастов между полами можно заметить значительно более низкую по сравнению с мужчинами долю женщин, никогда не состоявших в браке (и прогнозируемую в этих условиях более низкую долю бездетных женщин). Это может быть объяснимо относительно низкой распространенностью миграции одиноких женщин, предопределенной характерными для дагестанского общества гендерными асимметриями. С теми же асимметриями можно связать более низкую долю женщин с высшим образованием и имеющих постоянную работу.

Таблица 2. *Распределение респондентов опроса по ряду социально-демографических параметров, %*

	Мужчины	Женщины
<i>Семейное положение</i>		
— никогда не состоял(а) в браке	44,1	20,2
— состоит в браке	52,8	73,4
— разведен(а), вдовец/вдова	3,1	6,4
<i>Количество детей</i>		
0	53,3	29,2
1	12,4	14,6
2	15,7	22,3
3	14,1	22,3
4+	4,4	8,9
<i>Уровень образования</i>		
— начальное	2,8	6,6
— неполное среднее	5,2	8,3
— среднее	33,9	55,9
— неполное высшее	14,5	7,4
— высшее	43,5	21,8

	Мужчины	Женщины
<i>Трудовая деятельность на момент опроса</i>		
— имеет свой бизнес	29,0	23,9
— имеет постоянную работу	40,3	29,5
— имеет непостоянные заработки	3,2	11,1
— учится	19,8	8,5
— занимается домашним хозяйством	2,0	19,7
— безработный (–ая)	5,6	7,3
<i>Время переезда в Астрахань</i>		
— в 15 лет и старше	67,0	66,2
— до 15 лет	23,0	24,8
— проживает с рождения	10,0	9,0

Как видно из таблицы 3, в целом респонденты были солидарны в позитивной оценке Астрахани как города. Доля тех, кто заявил, что он или его близкие сталкивались с теми или иными проблемами или сложностями, обусловленными недостатками городской сферы услуг или характером взаимоотношений в городе, также была довольно мала. То есть сообщество переселенцев в целом не воспринимает городскую среду как враждебную, агрессивную по отношению к себе.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопросы о городской среде Астрахани и о своем опыте проживания в городе, %

	Да	Скорее, да	Скорее, нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Если говорить в целом, вам в этом городе нравится жить?	64,2	21,7	3,9	9,5	0,6
Как Вы считаете, Астрахань — удобный для жизни город?	60,9	19,9	6,8	11,4	1,0
Как Вы считаете, Астрахань — безопасный для жизни город?	67,3	20,1	3,5	7,5	1,7
	Да	Нет		Затрудняюсь ответить	
Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами при поиске жилья?	21,3	77,2		1,4	

Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами при устройстве детей в школу?	5,4	91,7	2,9
Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами при получении регистрации?	3,7	93,7	2,6
Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами с доступом к медицинским услугам?	7,2	91,9	0,8
Были ли вы или ваши родственники свидетелями конфликтов на национальной, религиозной почве в Астрахани?	17,0	83,0	0,0

В ходе опроса также была сделана попытка оценить индикаторы, которые могут характеризовать степень замкнутости диаспоры. Использовались следующие параметры, определяемые индивидуально для респондентов:

- состояние в браке с представителем своей диаспоры или с человеком, не принадлежащим к ней;
- отношение к возможному браку своего ребенка с человеком, не относящимся к диаспоре;
- доля жителей города, относящихся к диаспоре, среди пяти человек (кроме близких родственников), с которыми респондент контактирует наиболее часто.

Хорошо известно, что в дагестанском обществе большую роль играют связи между выходцами из одного и того же села и людьми одной и той же национальности. Поэтому все перечисленные параметры тестировались не только применительно к дагестанской диаспоре в целом, но и к односельчанам и людям того же этноса, что респондент. Также, учитывая поликонфессиональный состав населения Астрахани, мы исследовали долю единоверцев-мусульман среди жителей города, с которыми респондент контактирует наиболее часто, и отношение к бракам детей с немусульманами. Эти параметры, однако, дополнительно характеризуют социаль-

ные контакты респондента в городе, не могут рассматриваться как индикаторы замкнутости диаспоры, поскольку к числу мусульман в городе относятся далеко не только выходцы из Дагестана.

В целом эти параметры продемонстрировали высокую степень замкнутости дагестанской диаспоры в городе. Среди респондентов, состоявших в браке на момент опроса, 90,4% заявили, что их супруг(а) одной с ними национальности, а 64,8% — что супруг(а) из одного с ними села. Среди респондентов, на момент опроса имевших хотя бы одного ребенка, 68,1% сочли важным, чтобы их дети вступили в брак с человеком одной с ними национальности, а для 95,7% оказалось важным, чтобы их дети заключили брак с единоверцем. Показательно распределение ответов на вопрос о числе выходцев из родного села, людей своей национальности, дагестанцев и мусульман среди тех пяти человек в Астрахани (кроме близких родственников), с которым респондент общается чаще всего (см. табл. 4). Легко видеть, что более чем у половины респондентов все пять человек, с которыми они чаще всего контактируют, являются дагестанцами и мусульманами. Почти половину составляют те, у кого четыре-пять человек в этом подмножестве контактов — люди одной с ними национальности.

Таблица 4. Распределение ответов о числе выходцев из родного села, людей своей национальности, дагестанцев и мусульман среди пяти человек, с которыми респондент общается больше всего, %

	0	1	2	3	4	5
Выходцы из родного села	35,6	12,3	13,0	9,1	2,4	27,6
Люди одной с респондентом национальности	11,6	9,4	14,9	15,4	4,3	44,3
Дагестанцы	5,5	8,9	14,7	12,3	6,0	52,6
Мусульмане	2,1	2,9	10,6	11,0	5,6	53,9

С достаточно высокой степенью замкнутости переселенческого сообщества гармонирует интенсивность связей его представителей с исторической родиной. В общей сложности 87,2% мужчин и 81,6% женщин сообщили, что бывают в Дагестане хотя бы раз в год. Доля тех, кто ездит туда более двух раз в год, среди мужчин составила 41%, среди женщин — 29,5%.

Исходя из гипотез о группах внутри диаспор, способных к более быстрой и успешной адаптации (см. раздел 3), мы сопоставили степень замкнутости социальных контактов у мигрантов второго и полуторного поколений и у мигрантов первого поколения, а также у мигрантов с высшим и неполным высшим образованием сравнительно с мигрантами более низкого уровня образования. К сожалению, не удалось провести соответствующий анализ для групп мигрантов с разным характером расселения: значительные различия между районами Астрахани по типам застройки и пространственной организации не позволили предложить какой-либо единый параметр, который мог бы служить индикатором для степени

«анклавности» размещения дагестанских мигрантов, единым для всех районов их присутствия.

Дополнительно мы также сопоставляли характеристики социальных контактов у представителей дагестанской диаспоры в возрасте моложе 35 лет и в возрасте от 35 лет. Необходимость такого сопоставления была связана в первую очередь с теми процессами межпоколенческих изменений, которые характерны в настоящее время для дагестанского общества в целом. Они состоят в изменении ценностных ориентиров молодежи по сравнению со старшим поколением, в отходе молодого поколения от многих традиционных практик, которых жестко придерживались родители [Стародубровская, 2019]. Можно было предположить, что в этом контексте молодежь, независимо от того, к какому поколению мигрантов она принадлежит, будет более активно расширять свои социальные связи за пределами диаспоры. Кроме того, мы сопоставили социальные контакты женщин и мужчин независимо от возраста. Учитывая, что традиционный северокавказский семейный уклад предполагает значительные различия социальных ролей мужчин и женщин [Карпов, 2001], ожидалось и различия между ними по характеру социальных связей в городе.

Ввиду того, что распределение ответов на вопросы, связанные с общинной «замкнутостью», в большинстве случаев было далеко от нормального, использовался непараметрический критерий Манна-Уитни, позволяющий проверить гипотезу о том, что у разных групп респондентов распределение по некоторому признаку одинаково. Среди мужчин и женщин, а также среди мигрантов разных поколений (второе и «полуторное» рассматривались вместе, будучи противопоставлены первому) ни для одного параметра «замкнутости» критерий Манна-Уитни не обнаружил разницу в распределении. Более сложная картина обнаружилась при разделении респондентов по уровню образования (респонденты с высшим и неполным высшим образованием сопоставлялись с респондентами с более низким образовательным уровнем) и при разделении респондентов на возрастные группы моложе 35 лет и 35+. Результаты применения теста Манна-Уитни к этим группам отражены в таблице 5. Молодежь и более старшие респонденты значительно отличались по распределению ответов на вопросы о том, является ли супруг(а) выходцем из того же села и представителем той же национальности, что и респондент; также отличия между двумя этими группами были по распределению ответов на вопросы о том, важно ли, чтобы дети заключили браки с дагестанцами, и о том, каково число людей «своей» национальности среди пяти лиц, с которыми респондент контактирует чаще всего (в таблице 5 в случаях, когда тест не подтвердил наличие одинакового распределения между группами респондентов, указывается уровень значимости результата теста).

При этом во всех случаях обнаруженных различий распределение ответов среди молодежи говорило о большей «разомкнутости» этой группы. Так, доля состоявших в браке с человеком той же национальности (из всех женатых/замужних) среди молодежи составила 86%, а среди более старших респондентов — 95%; доля состоявших в браке с односельчанином — соответственно 57% и 72%. Доля тех, кому важен брак детей с дагестанцем, среди молодежи составила 51%, а среди более старших — 64%. Наконец, среднее число людей той же национальности,

что и респондент, среди пяти человек, контакты с которыми наиболее часты, у молодежи — 3,1, а у более старших — 3,6%. Интересно отметить, что по доле мусульман среди таких пяти человек молодые и старшие респонденты значимо не различаются.

Между образовательными группами контрасты по распределению были обнаружены с помощью теста Манна-Уитни для всех включенных в таблицу 5 вопросов, кроме вопросов о важности заключения детьми брака с дагестанцем и с мусульманином. Здесь также во всех случаях значимых различий более образованная группа характеризовалась большей «разомкнутостью» (процентные соотношения не приводятся по соображениям объема).

Таблица 5. Проверка гипотез об одинаковом распределении ответов в подмножествах респондентов с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни

	Моложе 35 лет /35+		Имеющие / не имеющие высшее или неоконченное высшее образование	
	Подтверждается ли гипотеза об одинаковом распределении	Уровень значимости	Подтверждается ли гипотеза об одинаковом распределении	Уровень значимости
Супруг(а) той же национальности	Нет	99 %	Нет	95 %
Супруг(а) из того же села	Нет	99 %	Нет	99 %
Важен брак детей с человеком той же национальности	Да		Нет	95 %
Важен брак детей с дагестанцем	Нет	95 %	Да	
Важен брак детей с мусульманином	Да		Да	
<i>Доля среди пяти человек, с которыми чаще всего контактирует:</i>				
— односельчан	Да		Нет	99 %
— людей той же национальности	Нет	95 %	Нет	99 %
— выходцев из Дагестана	Да		Нет	99 %
— мусульман	Да		Нет	99 %

4.2. Результаты качественного исследования

Качественное исследование, как и количественное, продемонстрировало, что сообщества выходцев с Северного Кавказа (в первую очередь дагестанцев) отличаются большей традиционностью и замкнутостью. «Чем отличаются дети кавказские — они все-таки более уважительны к своим старшим, и они более

послушны...» (жен., сред. возр., Астрахань, 2020⁴); «Но у них все-таки все равно стараются за своих [выходить замуж]. Есть такие, которые отходят, но не девочки. Мальчики. <...> Девочки, они сразу понимают, что им бесполезно идти против семьи. Я не знаю такого случая» (жен., сред. возр., Астрахань, 2020).

Причем наиболее сильно традиционность проявляется в анклаве Большие Исады, среди выходцев из трех дагестанских горных сел — Кванада, Нижнее Инхело и Кванхидатль. Здесь сохраняются традиционные поколенческие и особенно гендерные иерархии. В подобной среде по-прежнему ограничивают образование девочек, могут отправлять их учиться в материнское село, рано посватать и выдать замуж по своему выбору, не обязательно в Астрахани, возможно — обратно на Северный Кавказ. Молодой кванадинец утверждал, что одна из его сестер училась до восьмого класса, другая — до шестого. «Отец сказал — все, типа ты уже взрослеешь, ты просто сиди дома. Тебе это не нужно, у тебя будет муж, который будет тебя обеспечивать. Тебе зачем это?» (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Браки по-прежнему, как правило, организуются родителями, молодые до свадьбы не общаются. Сохраняется традиция браков среди односельчан. По-прежнему распространены близкородственные браки. Молодые люди критично относятся к кросс-кузенным бракам, но союз между троюродными все еще считается нормой. В подобном случае можно рассчитывать на помощь родственников с обеих сторон, поддержку в сложной ситуации. Разводы редки.

И все же ситуация постепенно меняется, город неизбежно оказывает свое эмансипирующее влияние. «Очень много уже традиции меняются, и если там раньше — чем быстрее мы тебя выдадим [замуж], тем лучше, то сейчас, наверное, все-таки слушают ребенка и его мнение. <...> Вот эта уважительность потерялась, уважительность к старшему поколению. <...> Мало этого сейчас. Меньше и меньше» (жен., сред. возр., Астрахань, 2020). И старшие, и молодые чувствуют, что происходит трансформация традиционных отношений, и что эта трансформация неизбежна. Пожилой представитель кванадинской диаспоры поделился своими наблюдениями об изменении брачной модели в каждом следующем поколении. Его родители не имели возможности выбора спутника жизни; у него самого был выбор из тех вариантов, которые предлагали старшие и родственники; дети уже могут возразить родителям, а внучка, по его мнению, вообще сама будет строить свои отношения. Молодые люди также ощущают грядущие перемены: «То же самое, допустим, то, что кванадинку брать — это постепенно меняется. Это изменяется. Может, лет через пятнадцать-двадцать этого даже уже не будет. И это плохо, с одной стороны. С другой стороны — нормально» (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Собственно, уже сейчас среди кванадинцев нередки случаи религиозных браков с девушками другой этнической принадлежности — но в качестве вторых жен. В то же время важность религиозной общности в браке, судя по всему, только возрастает. «Главное, чтобы религия была одинаковая» (школьница, Астрахань, 2019). «Для меня самое главное, чтобы это был человек моей религии, чтобы мой брак был благославлен» (студентка, Астрахань, 2019).

Нам удалось подробно обсудить вопросы эмансипирующего влияния города с тремя молодыми кванадинцами, двое из которых являются мигрантами второго

⁴ Респонденты в настоящем разделе охарактеризованы по следующим возрастным категориям: молодой возраст — до 35 лет; средний возраст — 35—59 лет; старший возраст — 60 лет и более.

поколения, а один — мигрантом первого поколения (студентом Медакадемии). Разрыв с прошлым рефлексится ими очень отчетливо — жизнь в горах противопоставляется жизни в «светском обществе». *«Человек, который, к примеру, вырос в светском обществе, родился, рос, он процентов на семьдесят старается норм этого светского общества придерживаться. А тот человек, который приехал, к примеру, со своего села, оттуда с гор — у них там свои правила, свои понятия»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Перемещение в «иной мир», в «светский город» ассоциируется как с существенными плюсами, так и с ощутимыми угрозами.

Основной плюс, о котором говорили наши собеседники, связан с возможностью получить качественное образование. *«Плюс — что знания дают, как положено»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Причем образование рассматривается и как вертикальный лифт, и как насущная необходимость в современном обществе. *«Сейчас не то время, когда можно без образования что-то открыть, что-то сделать. <...> Я считаю, что дальше без образования молодежи только сложнее будет»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). В этом наши собеседники видят свое отличие от предшествующего поколения переселенцев в Астрахань, которым достаточно было «работать руками». Растущая роль образования влияет и на межпоколенческие отношения (образованные дети в большей мере стремятся сами принимать решения), и на время вступления в брак (позже, когда окончат вуз и смогут содержать семью).

В то же время «светский город» рассматривается как угроза перемен, нивелирования, потери собственной особой идентичности, как давление городского образа жизни. Неизбежность изменений преследует повсюду: уже аварки и даже некоторые кванадинки стали получать высшее образование (*«девочки учатся в других городах, сами по себе»*). Все меньше молодежи знает родные языки — понимают, но далеко не всегда говорят. И это вызывает отторжение, причем у первого поколения мигрантов больше, чем у второго. *«Если даже влияет, мы не хотим, чтобы на нас это влияло»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Отсюда — идеи, что детей надо воспитывать в деревне, в исламской среде, в окружении людей своей этнической принадлежности.

Нельзя отрицать, что эта трансформация очень непросто воспринимается теми, кто испытывает на себе давление перемен, вызывая эффект, названный Р. Парком «плавильный котел в головах». Особенно сложно девушкам, чья традиционная роль плохо сочетается с новым взглядом на мир и открывающимися благодаря образованию перспективам. Проще всего это продемонстрировать на конкретных примерах:

Информант 1. Школьница продвинутого лица, которая с подачи родителей считает, что по исламу девушка должна сидеть дома, готовить, убирать, даже не может заниматься спортом. Но при этом она хочет стать фотографом. И, судя по всему, сама не очень понимает, как у нее уживаются столь разные ориентиры.

Информант 2. Студентка престижного вуза, единственная в семье получающая высшее образование. Настояла на своем профессиональном выборе, живет в Астрахани одна. При этом понимает, что родители выдадут ее замуж по традициям их села, за незнакомого человека. Осознает, что для нее это решение будет сложным и болезненным, но пока гонит от себя эти мысли, стараясь сосредото-

точиться на учебе. И в будущем готовится совмещать плохо совместимые роли фактически из разных времен: делать успешную карьеру и быть традиционной кавказской женой. «Я себя пытаюсь приучить к жесткому режиму, чтобы, когда я выйду замуж, если вдруг мне муж разрешит работать, чтобы я могла вот прямо все успевать» (студентка, Астрахань, 2019). Однако не уверена, что ей разрешат работать, и не видит способа решить этот вопрос заранее, до свадьбы.

Информант 3. Молодая образованная женщина, пережившая травматичную историю насильственного брака по сговору родственников, которые выдали ее за сына друга отца, притом что сестре позволили замужество по любви с представителем другого этноса. О том, что выходит замуж, узнала за неделю. Муж издевался над ней и бил ее. В результате родственники, выдавшие ее замуж, сами настаивали на разводе. Дальше получила возможность самостоятельно устраивать личную жизнь.

Выводы

Проведенные количественный и качественный опросы позволяют сделать в целом схожие выводы, несколько дополняя и уточняя друг друга. Обе части исследования показали, что уровень социальной замкнутости дагестанской диаспоры в Астрахани весьма велик. Это проявляется в низкой частоте смешанных браков и в большой доле односельчан, представителей «своего» этноса и выходцев из Дагестана среди социальных контактов членов диаспоры. Также мы видели, что члены диаспоры сами осознают свою культурную «особость» на фоне города.

С другой стороны, эту ситуацию замкнутости никак нельзя на сегодня признать статичной. Количественное исследование показало, что ряд групп в составе диаспоры демонстрирует тенденцию к более интенсивным социальным связям с жителями города, «внешними» по отношению к переселенческому сообществу. К таким группам относятся молодежь и выходцы из Дагестана с высшим или неполным высшим образованием. А согласно результатам качественного исследования, молодое поколение выходцев из Дагестана, в особенности те его представители, которые родились в городе, признают, что полученное ими в городской среде воспитание достаточно существенно отличает их от родившихся в дагестанских селах. Более того, такие различия осознаются и как межпоколенческие. При этом образование, отнесенное количественным опросом к центральным факторам, препятствующим сохранению замкнутости сообщества, респондентами качественного опроса рассматривалось как важная причина различий между поколениями мигрантов. Однако это постепенное снижение замкнутости диаспоры не является ни линейным, ни психологически комфортным процессом. Конкретные примеры, которые мы имели возможность наблюдать в ходе качественного опроса, показали, что на жизненные траектории молодых представителей диаспоры оказывают влияние и традиционные нормы, и нормы, характерные для современного города, подчас ставя индивида в ситуацию непростого выбора и обеспечивая переменчивость норм, действующих во взаимоотношениях молодого и старшего поколений.

В свете теоретических проблем, обсуждаемых в разделе 3, полученные результаты представляют интерес в следующих аспектах.

Во-первых, наше исследование показало, что в условиях отсутствия дискриминации мигрантов и ассимиляционного давления на них происходит постепенная интеграция в том числе и представителей замкнутых переселенческих сообществ, причем эта интеграция характеризуется низкой конфликтностью, хотя все равно сопровождается достаточно высоким уровнем стресса (особенно у девушек). Можно также утверждать, что подобные условия способствуют интеграции в культуру мейнстрима, а не в контркультуру, поскольку система образования обеспечивает перспективу вертикальных лифтов и необходимую социализацию в принимающем обществе. В то же время в определенной мере интеграция происходит в мусульманскую культуру — так, для молодежи могут быть менее важны браки с односельчанами или в рамках своей этнической группы, но повышается важность религиозной общности супругов.

Во-вторых, исследование подтвердило более быструю интеграцию молодежи и более образованных членов мигрантского сообщества. В то же время не нашло подтверждения предположение о более быстрой и успешной интеграции в принимающий социум мигрантов второго и «полуторного» поколений по сравнению с мигрантами первого поколения.

Список литературы (References)

Андронов И. С. Внешние мигранты в социальной структуре населения мегаполиса // Социология и право. 2014. № 1. С. 55—60.

Andronov I. S. (2014) External Migrants in the Social Structure of Megapolis Population. *Sociology and law*. No. 1. P. 55—60. (In Russ.)

Вендина, О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? *Демоскоп Weekly* (177—178), 2004. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>

Vendina, O. Ethnic Moscow: Does Ghettoization Threaten the City? *Demoskop Weekly* (177—178), 2004. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php> (In Russ.)

Вирт Л. Проблема меньшинств // Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2005. С. 152—177.

Wirt L. (2005) The Problem of Minorities. In: Wirt L. Selected Studies in Sociology. Moscow: INION RAS. P. 152—177. (In Russ.)

Зайончковская Ж., Поletaев Д., Флоринская Ю., Доронина К. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605—606. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php> (дата обращения: 18.08.2021).

Zajonchkovskaja Zh., Poletaev D., Florinskaja Ju., Doronina K. (2014) Migrants in View of Moscovites. *Demoscope Weekly*. No. 605—606. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php> (accessed: 18.08.2021). (In Russ.)

Казенин К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 6—79. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7528>.

Kazenin K. I. (2017) Fertility in Families of Migrants: Data, Hypotheses, Models (Foreign Literature Review). *Demographic Review*. Vol. 4. No. 4. P. 6—79. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7528>. (In Russ.)

Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

Karpov Ju. Ju. (2001) Female Sphere in Culture of the Peoples of the Caucasus. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

Карпов Ю. Ю., Капустина Е. А. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение. 2011.

Karpov Ju. Ju., Kapustina E. L. (2011) Mountaineers After Mountains. Migration in Daghestan in the 20th — Beginning of the 21th Centuries: Its Social and Cultural Consequences and Perspectives. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>.

Mkrtychyan N. V. (2019) Migration in the North Caucasus and The Accuracy of Statistics. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>. (In Russ.)

Мукомель В. И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1. С. 79—92.

Mukomel V. I. (2015) Local 'Others': Country-Internal Interethnic Migrants in the Megapolis of Moscow. *Federalism*. No. 1. P. 79—92. (In Russ.)

Мукомель В. И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69—79.

Mukomel V. I. (2016) Problems of Integration of Country-Internal Interethnic Migrants in Russia. *Sociological Studies*. No. 5. P. 69—79.

Парк Р. Социология, сообщество и общество // Парк Р. Избранные очерки: Сборник переводов. М.: ИНИОН. 2011а. С. 80—114.

Park R. (2011a) Sociology, Community and Society. In: Park R. *Selected Studies (a Collection of Translations)*. Moscow: INION RAS. P. 80—114. (In Russ.)

Парк Р. Личность и культурный конфликт // Парк Р. Избранные очерки: Сборник переводов. М.: ИНИОН. 2011б. С. 201—216.

Park R. (2011b) Individual and the Cultural Conflict. In: Park R. *Selected Studies (a Collection of Translations)*. Moscow: INION RAS. P. 201—216. (In Russ.)

Портес А., Чжоу М. Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1. С. 122—141.
Portes A., Zhou M. (2017) The New Second Generation: Segmental Assimilation and Its Types // *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1. P. 122—141. (In Russ.)

Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 37—54. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>.

Starodubrovskaya I. V. (2019) The Crisis of the Traditional North Caucasian Family in the Post-Soviet Period and Its Social Consequences. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 37—54. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>. (In Russ.)

Сызранов А. В. Этническая ситуация в Астраханской области: история и современность // Политическое образование. 2016. URL: <http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 18.08.2021).

Syzranov A. V. (2016) Ethnic Situation in the Astrakhan Region: History and the Current State. *Political Education*. URL: <http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost> (accessed: 18.08.2021). (In Russ.)

Alba R., Nee V. (1997) Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration. *The International Migration Review*. Vol. 31. No. 4. P. 826—874. <https://doi.org/10.2307/2547416>.

Crul M., Schneider J., Lelie F. (eds.) (2012) *The European Second Generation Compared: Does the Integration Context Matter?* Amsterdam: Amsterdam University Press.

Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556—2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Dijkstra S., Geuijen R., Ruijter A. de. (2001) Multiculturalism and Social Integration in Europe. *International Political Science Review*. Vol. 22. No. 1. P. 55—84. <https://doi.org/10.1177/0192512101221004>.

Forste R., Tienda M. (1996) What's Behind Racial and Ethnic Fertility Differentials? *Population and Development Review*. Vol. 22 (Supplement). P. 109—133. <https://doi.org/10.2307/2808008>.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. (1995) From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*. Vol. 68. No. 1. P. 48—63. <https://doi.org/10.2307/3317464>.

Grönqvist H. (2006) Ethnic Enclaves and the Attainments of Immigrant Children. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 4. P. 369—382. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl002>.

Hampshire K., Bleil M., Simpson B. (2011) Navigating New Socio-Demographic Landscapes: Using Anthropological Demography to Understand the 'Persistence' of High and Early Fertility Among British Pakistanis. *European Journal of Population*. Vol. 28. No. 1. P. 39—63. <https://doi.org/10.1007/s10680-011-9252-z>.

Hartog J., Zorlu A. (2009) Ethnic Segregation in The Netherlands: An Analysis at Neighbourhood Level. *International Journal of Manpower*. Vol. 30. No. 1—2. P. 15—25. <https://doi.org/10.1108/01437720910948366>.

Lal B. B. (2015) Race Relations Cycle. In: *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*. URL: <https://doi.org/10.1002/9781118663202.wber-en598> (accessed: 18.08.2021).

Mangin W. (1973) Sociological, Cultural, and Political Characteristics of Some Urban Migrants in Peru. In: Southhall A. (ed.) *Urban Antropology: Cross-Cultutal Studies of Urbanization*. New York: Oxford University Press.

Montgomery M. R., Casterline J. B. (1996) Social Influence, Social Learning and New Models of Fertility. *Population and Development Review*. Vol. 22 (Supplement). P. 151—175. <https://doi.org/10.2307/2808010>.

Parrado E. A. (2011) How High is Hispanic/Mexican Fertility in the United States? Immigration and Tempo Considerations. *Demography*. Vol. 48. No. 3. P. 1059—1080. <https://doi.org/10.1007/s13524-011-0045-0>.

Portes A., Rumbaut R. (2001) *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press.

Ryan L., D'Angelo A. (2017) Changing Times: Migrants' Social Network Analysis and the Challenges of Longitudinal Research. *Social Networks*. Vol. 53. P. 148—158. <http://dx.doi.org/10.1016/j.socnet.2017.03.003>.

Salway S. M. (2007) Economic Activity Among UK Bangladeshi and Pakistani Women in the 1990s: Evidence for Continuity or Change in the Family Resources Survey. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 33. No. 5. P. 825—847. <https://doi.org/10.1080/13691830701359256>.

Shack W. A. (1973) Urban Ethnicity and the Cultural Process of Urbanization in Ethiopia. In: Southhall A. (ed.) *Urban Antropology: Cross-Cultutal Studies of Urbanization*. New York: Oxford University Press. P. 251—285.

Wilson B., Kuha J. (2018) Residential Segregation and the Fertility of Immigrants and Their Descendants. *Population, Space and Place*. Vol. 24. No. 3. <https://doi.org/10.1002/psp.2098>.